

Из истории образования Кабардино-Балкарии

УДК 373(470.64)

Для цитирования: Мамсиров Х.Б., Кажаров А.Г. Становление и развитие системы школьного образования в Кабардино-Балкарии // Научно-методический журнал «Поиск научных решений». 2026. № 1. С. 12–39.

DOI: 10.61077/2949-4818-2026-1-12-39

Становление и развитие системы школьного образования в Кабардино-Балкарии

Мамсиров Хамитби Борисович

Государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования «Центр непрерывного
повышения профессионального мастерства педагогических работников»
Министерства просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики

Кажаров Артур Гусманович

Государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования «Центр непрерывного
повышения профессионального мастерства педагогических работников»
Министерства просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы, этапы и содержание процессов становления и развития системы школьного образования в Кабардино-Балкарии на протяжении длительного исторического периода – с 1820-х и до конца 1980-х гг. Становление системы образования в Кабардино-Балкарии началось с учреждения аманатской школы в 1829 г. Российское государство уделяло большое внимание развитию общего и профессионального образования в регионе, что должно было способствовать решению исторических задач культурно-цивилизационного сближения горских народов и русского народа, адаптации кабардинцев и балкарцев к новым радикально изменившимся социокультурным условиям, а также их социально-экономической модернизации. Фундаментальный характер развития системы школьного образования привел к эволюции цивилизационного облика народов Кабардино-Балкарии и обогатил культуру горских народов.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, образование, школа, училище, государственная политика, письменность.

**Formation and development
of the school education system in Kabardino-Balkaria
Mamsirov Hamitbi Borisovich**

State Budgetary Institution of Additional Professional Education
"Center for Continuous Development of Professional Mastery of Teaching Staff"
of the Ministry of Enlightenment and Science of the Kabardino-Balkarian Republic

Kazharov Artur Gusmanovich

State Budgetary Institution of Additional Professional Education
"Center for Continuous Development of Professional Mastery of Teaching Staff"
of the Ministry of Enlightenment and Science of the Kabardino-Balkarian Republic

Abstract. . The article analyzes the main problems, stages and content of the processes of formation and development of the school system in Kabardino-Balkaria over a long historical period – from the 1820s to the end of the 1980s. The formation of the education system in Kabardino-Balkaria began with the establishment of the Amanat school in 1829. The Russian state paid great attention to the development of general and vocational education in the region, which was supposed to help solve the historical problems of cultural and civilizational rapprochement between the mountain peoples and the Russian people, the adaptation of Kabardian and Balkarian people to new radically changed socio-cultural conditions, as well as their socio-economic modernization. The fundamental nature of the development of the school system led to the evolution of the civilizational image of the peoples Kabardino-Balkaria enriched the culture of the mountain peoples.

Keywords: Kabardino-Balkaria, education, school, college, public policy, written language.

Возрождение традиционных ценностных ориентиров, способных обеспечить поступательное развитие современного российского общества, невозможно без учета предшествующего историко-культурного наследия. Это также важно для осознания преемственности поколений, понимания общности историко-культурных судеб народов России.

В современном российском кавказоведении сложилось мнение, что в XVI – XVII вв. на Северном Кавказе сформировалась горская цивилизация на основе синтеза элементов традиционной культуры и исламской цивилизации. Одновременно налаживались первые взаимовыгодные контакты с российской цивилизацией в виде союзно-вассальных отношений, давшие ростки пророссийской ориентации горских народов.

Затем наступил период Кавказской войны, кризис кавказской горской цивилизации и адаптация ее сегментов к российской социокультурной среде. Россия привнесла в регион новые формы социально-экономических отношений, культуры и образования. Интенсификация контактов северокавказских народов и России вело к взаимопониманию и

взаимообогащению горских народов с русскими. Объективное изучение взаимодействия различных цивилизаций и культур на российском Кавказе позволит понять глубинные основы исторических процессов в регионе [Патракова, Черноус 2013, 80–84].

Учет этих факторов особенно важен при изучении истории становления и развития системы светского образования у бесписьменных горских народов в XIX–XX вв. Это обстоятельство имело важное значение в силу того, что в состав Российского государства было включено множество новых этносов с разными духовными, культурными, материальными и социальными ценностями [Культура 2012, 188]. Проводники российской политики на Кавказе пытались добиться их интеграции путем привития «гражданственности и цивилизации». Среди них были и сторонники идей формирования нового мировоззрения у горской молодежи [Бакланов 2014]. В этом деле позитивную роль могла сыграть национальная школа. Однако, несмотря на все попытки создать письменность на местных языках (Шора Ногмов, Умар Берсей, Кази Атажукин) в XIX в. народы Северного Кавказа пользовались арабским, староосманским и татарским языками.

Российская образовательная политика в отношении горских народов менялась в зависимости от исторических условий и методов ее реализации. Так, в период активного продвижения России на Центральном Кавказе в начале XIX в., главнокомандующий войсками на Кавказе П.Д. Цицианов в 1804 г. предложил императору Александру I открывать для детей элиты коренного населения училища по обучению русскому и местным языкам с последующим направлением их в кадетские корпуса. С подобной инициативой в 1829 г. выступал кабардинский князь на российской службе Ф.А. Бекович-Черкасский [Ктиторова 2015, 61].

Практическая реализация данного подхода на Северном Кавказе связана с открытием аманатских школ, сыгравших свою роль в продвижении и изучении русского языка в горских обществах, в рекрутировании горской молодежи на службу в ряды русской армии, а также в качестве переводчиков и гражданских служащих.

Нальчикская школа аманатов открылась в 1829 г. по инициативе кабардинского просветителя Ш.Б. Ногмова и при поддержке командующего войсками Кавказской линии Г.А. Эмануэля. Здесь дети местной северокавказской знати обучались письму, чтению на турецком и русском языках. В ней, кроме казенных воспитанников «находились пансионеры, содержащиеся за счет сумм ... кабардинской общественной суммы и своекоштные пансионеры» [Адыги... 1974, 337–338].

Французский исследователь Жан Шарль де Боссе, пораженный успехами учащихся Нальчикской аманатской школы в освоении русского языка, отмечал: «Легкость, с которой учатся эти дети – необычайна, самый старший из них читал предо мною русскую книгу очень бегло и внятно, хотя пробыл в школе всего один год – срок, после которого родители забирали своих детей, чтобы прислать на их место других». Один год обучения, конечно же, мог дать аманату лишь начальные сведения [Ермолов].

Деятельность аманатской школы стала пробным средством по активации социокультурных механизмов и вовлечению северокавказских горцев в культурно-образовательное пространство России, чтобы посредством светского образования интегрировать северокавказскую знать в культурно-цивилизационное пространство России. Она, как считает Г.Х. Мамбетов, превратилась в своеобразную «школу» подготовки сторонников России, которые личным примером убеждали горцев в пользе русской ориентации [Мамбетов 2003, 15].

В 1841 г. Ш.Б. Ногмов предпринял попытку повышения статуса Нальчикской школы аманатов до уровня училища. Однако возможность реализации данной идеи появилась лишь после организации в 1847 г. Кавказского учебного округа, руководство которого приступило к открытию школ для совместного обучения детей русских чиновников, военных и горской аристократии [Нефляшева].

В Нальчике школу военных воспитанников для детей кабардинских и горских князей и дворян организовали в 1850 г. В ней обучались 4 кабардинца, 4 осетина, 1 карачаевец, 1 сван. Они изучали Закон Божий, турецкий, арабский и русский языки, арифметику, алгебру, геометрию, географию, историю и рисование. Школа открыла путь к русской грамоте и образованию многим представителям местной элиты, которые своей деятельностью разрушали стену недоверия и способствовали сближению русского и северокавказских народов [Северный Кавказ... 2007, 270, 273].

Министерство народного просвещения Российской империи проводит в 1859–1864 гг. среди народов Кавказа политику их сближения с русским народом. Она предусматривала комплекс экономических и социально-культурных мероприятий, в том числе и такие, как преподавание в школе русского языка вместе с местными, включение туземцев в сословно-политическую систему империи и др. [Национальная политика... 1997, 97].

После принятия Устава горских школ (1859) [Козубский 1902, 205] в 1861 г. школа военных воспитанников для детей местной знати в Нальчике реорганизуется в Горскую школу, которая стала центром продвижения в округе

светского образования на русском и родном языках [Северный Кавказ... 2007, 271]. В период обучения учащиеся изучали основы православия (для христиан) и мусульманский закон (для мусульман); русский язык и грамматику; географию: основы всеобщей и русской истории; арифметику и основы геометрии; чистописание и рисование.

В Нальчикской горской школе в 1889 году обучались 106 человек, в том числе дети кабардинских, балкарских, осетинских князей и дворян, преподавание велось на русском языке, а в воскресной школе в 1897–1898 гг. обучались 46 учеников [Кусова, Бекоев 2009, 294].

Деятельным попечителем Кавказского учебного округа был Я.М. Неверов (1868–1879), который стремился учитывать этноконфессиональные особенности различных регионов Кавказа [Ланда 1995, 155]. Ему импонировали взгляды и суждения русских офицеров и чиновников, служивших ранее на Кавказе: генерала А.П. Торماسова (1809–1811), адмирала Н.С. Мордвинова (1816), генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского (1840) и др., предпочитавших путь сближения, просвещения, вовлечения горцев во внутригосударственные отношения на основе идей единства с российской цивилизацией [Кавказ и Российская империя... 2005].

Показательна в этом отношении статья С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе», опубликованная в № 6 «Военного сборника» в 1859 г. В ней автор высказался в пользу мирных способов расположения горцев к русским, и их органичного существования в составе империи, не сомневаясь, что «кавказский горец способен скоро образоваться и улучшить свой быт; он не ленив от природы, его жизнь, исполненная ежеминутных тревог войны, постоянно побуждает и поддерживает энергию духа... Займите ум горца, способный к движению; дайте направление его энергической деятельности, и благотворные последствия перерождения не замедлят высказаться во всей своей силе» [Кавказ и Российская империя... 2005, 581, 582].

Восприятие таких принципов Я.М. Неверовым и учет их в практической деятельности привело к росту численности обучающихся из горцев Ставропольской гимназии, ставшей в тот период центром светского образования в губернии [Краснов 1887, 46]. В 1850–1887 гг. ее окончили 1 739 горцев (около 25% всех ее учащихся) [Козубский 1902, 192], среди которых впоследствии выдвинулась целая плеяда видных культурных и общественно-политических деятелей народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцы Кази Атажукин, Исхак Кармов, балкарцы Султан-Бек Абаев, Абай и Басият Шахановы и др. [Северный Кавказ... 2007, 270–271].

Во второй половине XIX в. на Кавказе сформировалась система светского образования с различными типами школ: государственные (министерские), конфессиональные (при местном религиозном центре) и частные. Это позволило значительно расширить доступ к достижениям российской культуры не только детям местной элиты, но и остальным слоям горского населения.

Первые светские школы для обучения детей на русском языке открылись только в 1875 г. в Кучмазукино, Куденетово I, Шорданово по инициативе самого населения. Учащиеся изучали основы ислама, русский язык, чтение, письмо, арифметику, основы географии России, чистописание. Но первые национальные школы вскоре закрылись из-за нехватки материальных средств и отсутствия поддержки администрации округа [Северный Кавказ... 2007, 272].

Дело в том, что открыть национальные школы в Нальчикском округе по правилам Министерства народного просвещения «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870 г.) нельзя было без русского класса [Красовицкая 2011, 131]. Но выполнить это требование в полной мере, набрать в школы достаточное количество русских детей и укомплектовать их русскими педагогами оказалось очень сложно, не говоря уже о материальной стороне вопроса.

Поэтому, горское население обычно ориентировалось на обучение своих детей в мусульманских школах двух уровней: *мектебе* (начальное учебное заведение) при мечетях в каждом ауле и *медресе* (среднее учебное заведение). В мектебе изучали основы начального религиозного образования и арабской грамотности, и которые были доступны большинству населения. В медресе могли поступить выпускники мектебе, успешно освоившие арабский синтаксис, логику и философию. Обучение в медресе было доступно в основном состоятельным горцам.

До начала 1880-х гг. не уделялось должного внимания примечетским школам, вопросам духовного образования и подготовке мулл. Вероучители в мектебе и медресе обязаны были содержаться на средства населения. Одним из результатов политики Александра III стало упразднение Кавказского наместничества и перевод школ на государственный язык [Зубов 2000, 147].

В 1886 г. мусульман уравнивали в правах с русским населением. Им дали из своей среды шариатских судей (кадиев), ввели «испытания» на должность кади и эфенди в горских словесных судах, упорядочили выборы духовных лиц сельскими обществами, установили иерархию духовных лиц – кади, старшие и младшие эфенди, муэдзины. Также регламентируется духовное образование мусульман: в 1888 г. вводится образовательный ценз для мусульманского духовенства, а в 1891 г. – обязательный экзамен по русскому языку. Эти меры

были восприняты горским населением как должное, но запреты (1892) на преподавание в медресе лицам с зарубежным образованием и использование восточной литературы и рукописных книг вызвали недовольство [Красовицкая 2011, 131–132]. Среди местных преподавателей было немало тех, кто получил духовное образование за рубежом. Например, балкарские улемы Исхак Ахметов, Сюлемен Чабдаров и Локман Асанов окончили Каирский университет аль-Азхар [Северный Кавказ... 2007, 272].

Кавказская администрация трансформирует и институты исламского образования в регионе. В национальных школах вводится преподавание русского языка для ускорения процесса включения горцев в российскую культурную сферу. Для открытия мечети выставили обязательные условия: наличие общины в 300 чел. и своевременная выплата ею налогов; решение сельских сходов и утверждения их в вышестоящих инстанциях; содержание медресе населением; финансирование медресе только при открытии русских классов и подчинении Министерству народного просвещения [Ланда 1995, 138].

Конечно, эти меры склоняли горское население в пользу российского светского образования. На это красноречиво указывает и решение доверенных всех сословий Нальчикского округа в 1889 г. о создании специального фонда образования и о введении для всего населения особого сбора на нужды светского образования [Цаликов 1913, 145]. Но, несмотря на все эти меры, вплоть до середины 1890-х гг. в Нальчикском округе сеть начальных исламских школ было шире, нежели светских [Цаликов 1913, 133]. В тот период они предоставляли большинству кабардинцев и балкарцев, по существу, единственный шанс обучения грамоте, но религиозное образование сужало возможности социальной мобильности населения.

На рубеже XIX – XX вв. на Северном Кавказе проникают идеи панисламизма и пантюркизма [Очерки... 2014, 34], которые продвигали адепты буржуазно-либерального национального движения *джадидизма* (нового метода обучения), основанного крымско-татарским просветителем Исмаилом Гаспринским. Он ратовал за реформу мусульманского образования под благовидным предлогом сближение его с русской и европейской культурой. Сутью нового метода обучения было введение преподавания светских общеобразовательных предметов, изучения родного языка и классно-урочного метода преподавания.

Российское правительство в рамках просветительской политики создает «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», «Просветительский кружок кабардино-горской молодежи», «Нальчикское благотворительное общество» по оказанию

материальной помощи кабардинцам и балкарцам – студентам учебных заведений.

С их помощью в конце 1890 х гг. сеть начальных школ во многих аулах Северного Кавказа неуклонно расширилась [Северный Кавказ... 2007, 272]. Это особенно важно было для Нальчикского округа, в котором Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала грамотность кабардинцев в 3,2 %, балкарцев – 1,4 %. В 1898–1902 гг. количество начальных школ округа выросло до 27 с охватом 522 учащихся. Перед Первой российской революцией 1905–1907 гг. работали уже 44 школы с обучением на русском языке. Большой вклад в создание национальных алфавитов, букварей, грамматик внесли русские педагоги. Инспектор Кавказского учебного округа Л.Г. Лопатинский издал в Тифлисе в 1891 г. «Краткую кабардинскую грамматику» и «Русско-кабардинский словарь». В 1906 г. при его содействии издан кабардинский букварь П. Тамбиева, а в 1916 г. – «Родная речь» И. Акбаева для балкарских школ. Первый «Краткий очерк грамматики горского языка балкар» в 1912 г. опубликовал Н.А. Караулов [История народов Северного Кавказа... 1988, 513–514].

Недоверие местного населения к светским школам было обусловлено опасением, что их детей отлучат от веры. С учетом этих обстоятельств в 1904 г. Министерство народного просвещения созвало комиссию по вопросам начального образования «восточных инородцев» России, а в мае 1905 г. в Петербурге Особое совещание предложило начать формирование государственной системы образования инородцев с усилением интегрирующей роли русского языка [Красовицкая 2011, 185].

Положительную роль сыграло восстановление в 1905 г. Кавказского наместничества. Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков, ветеран Кавказской войны, подошел с большим вниманием к вопросу просвещения горцев, предлагая учитывать местные особенности, готовить мулл в русской школе, расширить их сеть для приобщения горцев к русской культуре с обучением на своем языке как «первейшим средством» воздействия русского мировоззрения на мусульман [Национальная политика... 1997, 97].

Но председатель правительства П.А. Столыпин ревностно относился к инициативам И.И. Воронцова-Дашкова, подотчетного в своей деятельности лично перед императором. И правительство, оставив без внимания инициативы наместника Кавказа, ввело «Правила о начальных училищах для инородцев восточной и юго-восточной России» (1906 г.), по которым все типы начальных школ инородцев унифицированы в училища: первоначальные с 2-х летним курсом; начальные 1-классные с 4-х летним курсом; начальные 2-классные

училища с 6-ти летним сроком обучения. Из их программ исключили светские дисциплины, а исламские духовные школы вывели из ведения Министерства народного просвещения. «Основные государственные законы» (апрель 1906 г.) закрепили общегосударственный статус русского языка, как обязательного в армии и во всех государственных и общественных учреждениях [Красовицкая 2011, 192–193].

Но Первая русская революция 1905–1907 гг. внесла в эти планы свои коррективы. Подъем революционного движения в национальных окраинах убедило правительство в том, что культурная интеграция коренных народов Кавказа возможна только посредством их воспитания в светской школе. Поэтому в 1907 г. оно в корне изменило к ней свой подход и решило, что при охвате государственной школой всех детей инородцев, подъеме их культуры, конфессионально-инородческая школа утратит свое значение.

Однако кавказское образовательное пространство имело существенные перекосы, при котором нехристианские народы Кавказа в разы уступали иным в доступе к образованию. Так, в 1908 г. на Кавказе одно начальное училище приходилось на 3 000 чел. русского населения, 4 800 – грузинского, 5 400 – армянского, 17 300 – азербайджанского и 11 400 – горцев [Зорин, Аманжолова, Кулешов 1999, 115].

В тот период в Нальчикском округе обучением было охвачено 33 % детей осетин и русских, только 12,8 % – кабардинцев и всего – 2,3 % балкарцев [Красовицкая 2011, 192–193]. Признаками демократизации национального просвещения стали преобразование в 1909 г. окружной горской школы в реальное училище, решение вопросов обучения на родном языке, назначение учителями лиц, владеющих родным языком. Все это делало светские школы более привлекательными для горского населения.

Накануне Первой мировой войны сеть светских школ в Нальчикском округе достигла 112 с охватом 6,7 тыс. детей, превзойдя тем самым контингент национально-конфессиональных школ (в 97 мектебе и медресе обучалось 1,5 тыс. детей) [История народов Северного Кавказа... 1988, 511–512]. Сформировалась группа русских учителей: Л.Н. Воробьева, М.Г. Варлыгин, Л.М. Кучмасов, А. Губернаторов, Н.А. Жук, Л.В. Солнцева, А.П. Чеботарев, Я.И. Левенцов и многие другие, которые заслужили авторитет и уважение местного населения.

Для вовлечения горцев в российскую культурную среду была создана письменность на основе кириллицы для бесписьменных кавказских народов: абхазского, кабардинского и чеченского [Зубов 2000, 148]. При этом, алфавиты, созданные на основе русской графики кабардинцем К. Атажукиным, балкарцем

С. Урусбиевым, кавказская администрация не приняла [Северный Кавказ... 2007, 272]. Поэтому быстро изменить ситуацию было невозможно. Светские школы были не в состоянии охватить всех желающих, что усугублялось и методическими издержками.

На их недостатки в 1916 г. указал М. Султан-Галиев: «Бесспорно, что для самого государства выгодно, чтобы кавказские мусульмане знали русский язык. Государство не только вправе, но и обязано требовать от них знание русского языка» [Султан-Галиев 1916].

В этих условиях горская интеллигенция попыталась придать «второе дыхание» популярной в некоторых мусульманских регионах России идеи джадидизма за «реформу» мусульманской школы с преподаванием светских дисциплин в «новометодных» школах. С этой инициативой выступили представители адыгской зарубежной диаспоры, организовавшие в 1909 г. «поход в Хэкужь» (на историческую родину, в Кабарду), и ставшие через новые школы «распространять изданные в Каире и Стамбуле азбуки адыгейского и арабского языка». «Новометодных» школ на Северном Кавказе было немного – 8 в Дагестане и 1 в Кабарде (Баксанское духовное училище) [История народов Северного Кавказа... 1988, 514].

Идеологами модернизации ислама в Нальчикском округе стали Нури Цагов, сын мухаджира, выпускник исламского вуза в Стамбуле и балкарец Исмаил Акбаев, ученик Гаспринского. Н. Цагов, А. Дымов, М. Гугов, лидеры Баксанского культурного движения, и балкарские улемы И. Эфендиев, С. Чабдаров, А. Энеев, Ю. Ахматов (новометодное медресе с. Кенделен) обучали родным языкам, истории мусульманских стран и своих народов [Северный Кавказ... 2007, 280]. Джадиды пытались использовать достижения российской и европейской культуры, сохранив национальные традиции и духовные ценности ислама. Новометодная школа была переходной формой от конфессионального образования к светскому [Красовицкая 2011, 144, 146].

Глава правительства П.А. Столыпин учитывал новые тенденции в сфере национально-конфессионального образования. Для нивелирования этих процессов и предупреждения межнациональных противоречий в стране подготовил проект создания Министерства национальностей. Одна из его целей было доведение за 20 лет в стране сети средних специальных учебных заведений до 5 000, вузов – до 1 500, и с их помощью превратить «иногородцев» в верноподданных России [Столыпин 1997; Северный Кавказ... 2007, 417].

В 1914 г. Министерство народного просвещения подготовило проект перехода страны ко всеобщему начальному обучению населения с 1 сентября 1914 г., планируя завершить его за 10 лет, к 1924 г. Преемник заместителя

Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова, великий князь Н.Н. Романов, продолжил образовательную политику своего предшественника в регионе. В рапорте императору Николаю II он отметил героизм и преданность горцев Кавказской конной дивизии в текущей войне и предложил ему в 1916 г. в целях воспитания молодых горцев в том же духе, провести серьезные реформы в сфере просвещения мусульманских народов [Кавказ и Российская империя... 2005, 543–549].

В начале XX в. настроения народов Северного Кавказа постепенно склонились к конструктивному сотрудничеству с русскими властями. Образованные и состоятельные мусульмане поддержали их усилия в обновлении экономики, культуры и социальной инфраструктуры региона, в налаживании через русские земли связей с другими странами [Ланда 1995, 134–138].

Быстрее других в социокультурную жизнь России вписались кабардинское и балкарское дворянство, овладевшее русским языком и получившее высшее образование, особенно военное. Обычно они после окончания окружных горских школ, реального училища поступали в кадетские корпуса, военные училища и начинали карьеру офицера. Многие из них заслужили высшие чины в русской армии: генерал-майор К.М. Анзоров (1818–1885); генерал-майор М.К. Анзоров (1883–1927); генерал-майор Т.Ж. Бекович-Черкасский (1870–1953); генерал-майор Ж.У. Жамбеков (1830–1904); генерал-майор Д.К. Куденетов (1844–1913); генерал-майор К.Н. Хагундоков (1871–1960); генерал-лейтенант Т.А. Шипшев (1830–1904) [Казаков 2006].

Перспектива воинской карьеры выпускников гимназий, финансовое благополучие, налаживание в стенах учебных заведений связей, расширение возможностей самореализации и, особенно, возможность демонстрации мужской успешности своим соплеменникам поднимали престиж русских учебных заведений, и делали их привлекательными для горской аристократии [Нефляшева].

Культурное взаимодействие горских и русского народов во второй половине XIX – начале XX в. поступательно эволюционировало [Добаев 2000, 66]. Светское российское образование вело к укреплению доверия горцев к Российскому государству, и «в условиях мира и твердой государственной политики» формируется новый социально-культурный социум Северного Кавказа. Постепенное сближение горской и российской цивилизаций формировало российскую идентичность горцев с сохранением ими своей культуры, языка и религии [Кавказ и Российская империя... 2005, 543].

Именно в этот период в Кабарде и Балкарии начался процесс формирования национальной интеллигенции, получившей высшее образование в центральных вузах России. Московский университет окончили кабардинцы Д.С. Кодзоков, В.Н. Кудашев; Санкт-Петербургский университет – кабардинцы М. Абуков, Г. Сохов, Т.П. Кашежев, П.Т. Коцев; Петербургскую медико-хирургическую и военно-медицинскую академию – балкарцы А. Шаханов, И. Абаев; Рижский политехнический институт – кабардинец П.И. Тамбиев; Петровско-Разумовскую академию – балкарец С-А. Урусбиев, Харьковский технологический университет – кабардинец Т. Блаев, балкарцы М. Муллаев и Т. Шакманов, Военно-юридическую академию – балкарец Б.А. Шаханов, Санкт-Петербургскую консерваторию – балкарец С-Б. Абаев и др.

Высшее образование и профессионализм предопределили их ведущую роль в социально-экономических, политических и культурных процессах в Нальчикском округе и Северном Кавказе. Среди них: Абаев М. – автор исторического очерка «Балкария», видный чиновник в Терской и Кубанской областях; Кодзоков Д.С. – председатель Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии; Кудашев В.Н. – автор обобщающего труда «Исторические сведения о кабардинском народе»; Клишбиев С.К. – первый начальник Нальчикского округа из числа кабардинцев; Коцев П.Т. – Председатель правительства Горской республики (1917–1919 г.); Шаханов Б.А. – балкарский просветитель, один из лидеров Союза объединенных горцев Северного Кавказа, и др.

Не оправдались опасения правительства о нелояльности кавказских горцев в случае войны с Османской империей, а пропаганда ее агентов оказалась тщетной. Воинские части, сформированные из местных жителей Кавказа, и тыл проявили в годы Первой мировой войны надежность и преданность России [Зубов 2000, 150]. Конники Кавказской дивизии стали ее добровольными защитниками. Дивизия имела 48 полных Георгиевских кавалеров, из них 12 в Кабардинском полку – больше, чем в любом другом. Дивизия и ее Кабардинский конный полк своею доблестью заслужили Георгиевские штандарты [Опрышко 2007].

Горцы долго не могли смириться с распадом Отечества в результате Русской революции 1917 г. Но триумфальное шествие Советской власти докатилось и до Северного Кавказа. После признания в Нальчикском округе советской власти в 1918 г. первым комиссаром народного просвещения был избран Паго Исмаилович Тамбиев, известный общественно-политический и культурный деятель конца XIX – начала XX в. Еще до революции он отдал много сил пробуждению сознания своего народа, усилению его тяги к

просвещению. Поэтому оказанное ему доверие народа было закономерным, и он с энтузиазмом принялся за организацию системы народного образования [Шхагапсоев, Тохова 2012, 89–91].

Однако начавшаяся Гражданская война, в которой Северный Кавказ также стал полем противостояния белых и красных, прервала созидательный процесс и разрушила экономическую и культурную инфраструктуру в регионе. После восстановления в марте 1920 г. советской власти в Нальчикском округе правящая коммунистическая партия столкнулась при восстановлении сферы образования с острым дефицитом педагогических кадров. Гибель большей части дореволюционной интеллигенции в гражданской войне и их эмиграция за рубеж снизили уровень грамотности населения. Оставшейся ее части не доверяли по идеологическим основаниям, как и мусульманскому духовенству.

Областной отдел народного образования в начале 1920-х гг. последовательно возглавляли Павлов Василий Григорьевич, преподаватель Нальчикского реального училища, а затем активные участники гражданской войны за советскую власть Н.А. Катханов и М.А. Энеев.

Основы системы народного образования на Северном Кавказе зиждилась на коммунистической идеологии. Понимая роль религии и сферы образования в изменении традиционного общества, большевики планировали сначала вытеснить религию из культурно-образовательного пространства и затем форсировано приобщить народы Кавказа к достижениям российской и мировой цивилизации [Ланда 1995, 189].

В эти годы перед народами Кабардино-Балкарии встал целый ряд острых проблем, когда одновременно надо было создавать национальную письменность, ликвидировать массовую неграмотность, формировать светскую систему образования, готовить учебники, обучать и переучивать учительство.

После гражданской войны советская власть, реагируя на запросы горцев-мусульман, в 1920 г. вводит кабардинский и балкарский алфавиты на основе арабицы, использовавшаяся до середины 1920-х г. Но ввиду сложности ее использования для обучения грамоте и разъяснения населению сути советских реформ, одновременно началась разработка единого для бесписьменных народов шрифта на основе латиницы.

В середине 1920-х гг. началась замена арабской графики на латинскую, чтобы вывести мусульманское население из зоны влияния ислама, создать национальную письменность для ликвидации неграмотности, упрощения работы системы образования и взаимодействия советской власти с населением.

В 1923 г. при помощи крупных русских филологов и лингвистов Л.И. Жиркова, Н.Ф. Яковлева, И.Н. Бороздина и др. был совершен прорыв в

этом вопросе: разработан новый кабардинский алфавит на основе латиницы, изданы «Таблицы фонетики кабардинского языка» и «Словарь примеров» к ним Н.Ф. Яковлева, первая научная «Грамматика кабардино-черкесского языка» Т.М. Борукаева. В следующем году был готов балкарский алфавит на основе кириллицы, а в 1926 г. – карачаево-балкарский алфавит на основе латиницы. В 1925–1926 гг. издаются кабардинский и балкарский буквари.

На дальнейшее развитие национальной графики письма повлияли советская модернизация экономики, обострение международной обстановки и рост угрозы войны, вынудившие высшее руководство страны уделить приоритетное внимание патриотическому воспитанию населения. Незавершенная литературная разработка кабардинского и балкарского языков позволяла их использование лишь в повседневном быту. А при освоении учебной речи, создании документов, продвижении мероприятий советской власти среди населения, этого уже было явно недостаточно.

Так возникла необходимость введения единого государственного языка, удобного для элементарного объяснения горским народам сути советской политики. Такая роль была под силу лишь русскому языку. Латиница же в этом отношении заметно уступала алфавитам крупнейших народов СССР. Это и стало главным аргументом в 1936 г. в пользу перехода младописьменных народов, в том числе кабардинцев и балкарцев, от латинской графики к кириллице.

Введение в КБАО в 1920–1930-х гг. национальной письменности и рост грамотности горцев обострило конкуренцию за учащихся между советскими (светскими) и мусульманскими школами: власть не могла охватить всех детей школьного возраста своей школой, но запрещала преподавание общеобразовательных предметов в религиозных школах.

Во второй половине 1920-х гг. власть разворачивает широкую кампанию против религиозно-образовательной сети в КБАО, насчитывавшая 223 мечетей, мектебе и медресе, в которых обучалось 1 100 детей. Нарушив собственную декларацию о свободе вероисповедания, власть предпринимает меры по подрыву основ мусульманской школы, лишает духовенство избирательных прав, облагает его непосильным налогом за религиозно-образовательную деятельность.

Повсеместно в области создаются ячейки Союза безбожников, областная газета «Карахалк» развернула кампанию по дискредитации мусульманского духовенства, увеличиваются тиражи национальной антирелигиозной литературы и показ антиисламских кинофильмов. В 1925 г. ввели запрет на преподавание в мектебе и медресе общеобразовательных предметов, в январе

1927 г. – разрешили их посещение детям только с 14 лет, и лишь окончившим 4 класса советской школы.

К концу 1927 г. в Кабардино-Балкарии религиозно-образовательная сеть сократилась вдвое. С началом массовой коллективизации власть обвинила духовенство в организации антиколхозных выступлений, используя это как предлог для закрытия оставшихся духовно-образовательных учреждений. В 1928 г. в КБАО 72 муллы публично отказались от своего духовного сана. Вопреки протестам населения в 1929 г. массово закрываются все мусульманские школы и мечети с передачей их зданий советским школам и культпросвет учреждениям.

Введение в 1930 г. всеобща повлекло за собой полное закрытие оставшихся в Кабардино-Балкарии мечетей, медресе и мектебе. Репрессии против мулл и эфенди привели к окончательной ликвидации мусульманского духовенства и сети религиозного образования. Духовную образовательную деятельность подпольно вели лишь оставшиеся редкие религиозно грамотные смельчаки.

Так были сняты последние препоны для полноценного развития системы школьного образования. Право всех народов на развитие национальной культуры было провозглашено в «Декларации прав народов России» (1917 г.) и обращении СНК «К трудящимся мусульманам России и Востока» (1917 г.). Первые советские законы отделили школу от церкви, а образование стало бесплатным, с совместным обучением на родных языках мальчиков и девочек.

Наркомпрос РСФСР 30 сентября 1918 г. принял «Положение о единой трудовой школе РСФСР», дополненное 18 октября 1918 г. постановлением «О школах национальных меньшинств». Они гарантировали всем малым народам право на обучение на родном языке в государственных единых трудовых школах национальных меньшинств двух уровней: первой ступени – с 5 летним сроком обучения, и второй ступени – с 4 летним сроком обучения.

Первые советские школы в Кабардино-Балкарии возникли после провозглашения в Нальчикском округе (март 1918) советской власти. В июне 1918 г. окружной Народный Совет создал отдел народного просвещения для работы среди населения. Начавшаяся гражданская война прервала эту деятельность. Весной 1920 г. с восстановлением советской власти в Кабарде и Балкарии деятельность отдела народного образования (ОНО) возобновилась с подлинной реализацией первых Советских декретов по вопросам народного просвещения.

В июле 1920 г. ОНО передают национализированные земли и усадьбы для организации трудовых школ с сельскохозяйственным уклоном. Летом 1920

г. в Нальчике, Владикавказе и Темир-Хан-Шуре были организованы краткосрочные учительские курсы для 30 кабардинцев и балкарцев. В конце 1920 г. выпускников этих курсов направили в первые открытые 27 советских школ в Кабарде, и 3 – в Балкарии. В 1921–1922 гг. в области работали уже 65 школ. Но нехватка помещений и учителей, слабый охват детей школьного возраста, противодействие мусульманского духовенства советским школам, и наконец, голод и засуха 1921–1923 г. привели к закрытию ряда школ. Советские школы выжили только благодаря материальной помощи населения.

Новая экономическая политика, возрождение экономики области, ежегодный рост государственных ассигнований обеспечили сдвиги в школьном строительстве и подготовке учителей. В декабре 1923 г. руководство области приняло решение об организации школ в каждом селении. К концу 1923/1924 учебного года школьная сеть выросла до 94, где обучалось 5 100 детей. В 1925/1926 учебном году их число достигло 163 с контингентом 31 445 детей. Это означало, что 32 % всех детей школьного возраста были охвачены учебой.

Более активно школы в Кабардино-Балкарии открывались во второй половине 1920-х гг. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 161. Л. 151–151 об.].

Годы	Всего школ	Кол-во учащихся в школах	% детей, посещающих школу
1926/1927	168	14 500	44
1927/1928	181	16 500	50
1928/1929	203	20 000	60
1929/1930	223	24 000	73

Эти статистические данные говорят о том, что, более 1/4 детей школьного возраста не посещали школы, и, став переростками, пополняли ряды неграмотных. Страдало и качество их знаний. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в Кабардино-Балкарии из 425 учителей на родном языке преподавали 230, из них прошли переподготовку лишь 25 %. При этом, большинство учителей не имели систематических знаний и в объеме программы школы I ступени.

К 1930 г. количество учителей КБАО возросло по сравнению с 1921 г. до 762, т.е. увеличилось в 5,5 раза. Русских учителей было 483, из кабардинцев 208, балкарцев 53. И требовать качественную работу от тех, кто недавно ликвидировал свою неграмотность, было трудно.

Ситуация изменилась в корне 14 августа 1930 г. после принятия ВЦИК и СНК СССР постановления «О всеобщем обязательном начальном обучении» с 1930/1931 учебного года. Коллегия Народного комиссариата просвещения РСФСР 6 ноября 1931 г., рассмотрев ход введения всеобуча в Кабардино-Балкарии, отметил очевидные сдвиги: в 1931 г. сеть школ I ступени достигла

212 с охватом 29 000 детей. В них работали 926 учителей, в т.ч. 788 учителей из числа кабардинцев и балкарцев. То есть, за год охват всеобучем детей в возрасте 8–11 лет достиг 70 %.

В последующие годы темпы строительства школ не снижались. В 1934 г. планировалось довести их число до 220, а в 1937 г. – до 250. В 1932–1933 гг. всеобучем было охвачено 33 673 детей или 85 % детей школьного возраста, в 1933–1934 гг. – 37 870 детей или 94,5 %.

Тяга к знаниям охватывала все больше и больше людей. Например, жителям сел Чегем I и Гунделен в 1930 г. уже было недостаточно начального образования, и они решили открыть первые неполные средние национальные школы. Появился интерес к продолжению образования в школах повышенного типа. В них взрослые с начальным образованием по ускоренной программе проходили курс 7-летней (неполной средней) и средней школы. Это позволяло им поступать в техникумы и вузы. В 1930 г. в КБАО работали 14 школ повышенного типа с охватом 1 105 чел.

Правда, говорить о высоком уровне качества знаний трудно. В 1934 г. выдвигается новая задача – поднять уровень всеобщего обязательного обучения до 7 лет, завершить ликвидацию неграмотности и малограмотности всего взрослого населения. В Кабардино-Балкарии всеобщее обязательное 7-летнее обучение начало вводиться в 1936 г. Введение всеобщего обучения предопределило поступательное развитие СССР и всех ее национальных регионов. В 1939 г. в Кабардино-Балкарии работали 240 школ, в том числе 80 – начальных, 87 – семилетних, 77 – средних, в которых суммарно обучались 75 тыс. детей, из них 31,6 тыс. – в старших 5–10 классах.

В 1940 г. в республике было 183 школы, в которых обучалось 62 800 учащихся. Построено еще 9 новых школьных зданий. Государство обеспечило школы республики учебным оборудованием, учебниками, методическими пособиями и оказывало всестороннюю помощь в дальнейшем развитии народного образования [Документы... 2015, 16].

С началом Второй мировой войны в 1939 г. советское правительство сократило расходы на образование, направив их на укрепление обороны страны. Вводится плата за год обучения, в зависимости от образовательной ступени. Старшие классы стоили 150–200 рублей. За среднее профобразование платили 150 рублей, за учебу в вузе – 300 рублей в год. Стоимость обучения была невысокой. Минимальная зарплата рабочего в 300 рублей в месяц позволяла накопить на получение образования. После восстановления экономики это постановление сразу отменили, и все образовательные ступени в СССР стали вновь бесплатными.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. нанесла громадный ущерб экономике, культуре и образованию Кабардино-Балкарии, который в период оккупации республики составил свыше 2,5 млрд. рублей. Были уничтожены много заводов, фабрик, МТС, колхозов, совхозов, учреждений культуры и образования. Из 240 школьных зданий были разрушены 221, полностью уничтожена материальная база пединститута, частично разрушены учебный корпус и общежитие. Сфера образования была обескровлена громадными людскими потерями [История Дона... 2004, 249].

В послевоенный период Советское правительство понимало решающую роль образования в возрождении и развитии страны. Несмотря на ограниченность государственного бюджета, еще в ходе войны и особенно после ее окончания изыскивались средства на первоочередное восстановление сети образовательных учреждений всех уровней.

Наиболее быстро восстанавливались общеобразовательные школы республики. В 1943/1944 учебном году возобновили работу 186 школ. Рост в 2 с лишним раза ассигнований на народное образование позволило к концу восстановительного периода (к 1950 г.) довести сеть школ республики до 210 с охватом контингента свыше 47 тыс. детей. В годы пятой пятилетки в Кабардинской АССР ассигнования на просвещение и школьное строительство превысили 364 млн. руб., и соответственно, довоенный уровень школьной сети. В 1950/1951 учебном году в 293 школах республики обучалось 76,3 тыс. чел. [История многовекового содружества... 2007, 436].

Руководство республики оценивало послевоенную ситуацию в сфере образования как критическую и наметило срочные меры по ее нормализации. Как и в 1920–1930-е годы, в деле возрождения экономики республики квалифицированные кадры решали все. Восполнение обескровленных рядов национальных кадров в сфере образования стало приоритетным направлением политики государства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 292. Л. 50, 52 об.].

Истощение кадров педагогов в годы войны, выдвижение вернувшихся с фронта на другую руководящую работу усугубило кадровую ситуацию и в школах республики. В 1945/1946 учебном году в школах КАССР осталось всего 237 учителей с высшим образованием, 413 – с незаконченным высшим образованием. Большая же часть из них имели среднее – 903, и даже незаконченное среднее – 728 чел. В 1946 г. из 2 613 учителей 211 школ республики только 606 имели высшее образование [Чеченов 1971, 60–62].

Ввиду снижения выпусков педагогического и учительского институтов республики, Наркомпрос РСФСР направлял сюда десятки выпускников педвузов из центра страны. Дефицит кадров профессорско-преподавательского

состава института усугублялся проблемой набора абитуриентов, депортацией балкарцев. Национальный пединститут по составу ППС и студентов стал преимущественно русскоязычным.

С 1952 г. вводится обязательное семилетнее образование, открываются вечерние школы для работающей молодежи. Переход национальных школ ко всеобщему 7-летнему образованию предполагал поднять уровень содержания начального образования на более высокую ступень. Эту важную проблему в марте 1948 г. в докладной записке секретарю обкома партии И.П. Мазину поставил министр просвещения республики А.П. Кешоков, который указал на ряд непростых задач [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2012. Л. 13–17]. А.П. Кешоков подчеркнул, что созданные в конце 1930-х гг. необходимые условия были безвозвратно нивелированы войной, произошел значительный откат в части обеспечения национальными педагогическими кадрами. Он указал на необходимость создания терминологических словарей по всем предметам, а также учебников и методических пособий на кабардинском языке [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2012. Л. 13–17].

Во второй половине 1950-х гг. в системе образования страны произошли существенные изменения. По итогам переписи населения 1959 г. высшее, среднее и неполное среднее образование имело 43% населения, что на 76,1 % больше по сравнению с довоенным уровнем.

Для Кабардино-Балкарии этот период также стал поворотной вехой в сфере общего образования республики в связи с празднованием в 1957 г. 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. Это событие позволило решить три важнейшие задачи: оценить исторический вклад народов Кабардино-Балкарии в укрепление и развитие российской государственности; определить достигнутый уровень их социально-экономического и культурного развития в составе России; наметить дальнейшую стратегию социально-экономического и культурного развития народов республики. Их практическая реализация изменила облик республики, и, особенно, ее промышленную инфраструктуру. Курорт Нальчик стал всесоюзной здравницей, а Кабардино-Балкария стала центром горного туризма, здесь были возведены сотни социально-культурных объектов.

Но самым примечательным событием стало создание в 1957 г. на базе Кабардино-Балкарского педагогического института Кабардино-Балкарского государственного университета, который стал ядром всей системы образования республики, придавшим мощный импульс реформе общего школьного образования, как основы и ключевого источника развития всей сферы профессионального образования в республике.

Престиж высшего образования в стране и республике настолько возрос, что выпускники школ неохотно шли на производство. Для реформирования школы таким образом, чтобы она стала резервом пополнения рабочих кадров и технической интеллигенции в 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования». Вместо 7-летки вводится обязательная 8-летняя политехническая школа. Среднее образование молодежь получала, проучившись 3 года в средней школе «с производственным обучением», в среднем профтехучилище, техникуме, вечерней (или заочной) школе рабочей или сельской молодежи. При поступлении в вуз вводился обязательный производственный стаж.

В Кабардино-Балкарии реализация идеи политехнизации школы практически не отличалась от других регионов страны. Вместе с тем, Закон 1958 г. имел свою особенность в отношении национальной школы. Предоставив родителям право выбора школы, и, формально сохранив «школу на родном языке», он предопределил перевод большинства национальных школ РСФСР на русский язык обучения и статус родного языка как учебного предмета.

В ходе политехнизации школьного образования в 1957/1958 учебном году в школах республики работали 139 мастерских и 69 кабинетов по машиноведению. В 1961/1962 учебном году в республике производственным политехническим обучением было охвачено более 38 тыс. учащихся. В 1959–1961 гг. из 4 493 выпускников более половины остались работать в хозяйствах и на предприятиях республики [Сабанчиев 1973, 130–131].

К осени 1963 г. стало ясно, что реформа не удалась. Школьники также с неохотой шли на производство, вечерние и заочные старшие классы не давали хороших знаний. Слабая материально-техническая база, узкий выбор профессий в школе с производственным обучением не обеспечивали должной профессиональной подготовки. Качество образования снижалось. С 1964 г. средняя школа вновь стала десятилетней.

Система образования нуждалась в дальнейших реформах. В 1970–1980-е гг. демографический подъем создал условия для дальнейшего развития школьного образования. В начале 1970-х гг. Кабардино-Балкария, как и вся страна, вступила в завершающуюся фазу введения всеобщего среднего (10-летнего) обучения. В последующие десятилетия выросло число выпускников средних и неполных средних школ. Вместе с тем, в 1970–1980-е гг. стабилизация системы общего образования и благоприятные демографические факторы облегчили участие женщин в производственной

деятельности и обусловили динамичный рост системы дошкольного образования.

Важным направлением в работе общеобразовательных школ в 1970–1980-х гг. стало направление в профтехучилища и техникумы выпускников 8-х классов, где они наряду с рабочей специальностью и дипломом специалиста среднего звена завершали курс полной средней школы с получением соответствующего аттестата. Это позволило увеличить подготовку рабочих кадров в стране с 1 100 тыс. чел. в 1965 г. до 2,5 млн. чел. к середине 1980-х г. и специалистов среднего звена в техникумах с 290 тыс. в 1960-х гг. до 721 тыс. чел. в 1980-х г.

Такая же тенденция наблюдалась и в Кабардино-Балкарии, где число ПТУ выросло с 8 в 1965 г. до 24 в 1990 г., и контингент учащихся соответственно с 2 до 10 тыс. Сеть средних специальных учебных заведений в республике выросла с 8 до 11, контингент обучающихся соответственно с 6,9 тыс. до более 11 тыс. [История многовекового содружества... 2007, 442].

Специалисты начального и среднего профессионального образования могли продолжить обучение в вузах, что повышало перспективы их социальной мобильности. Пик подъема системы советского общего школьного образования в республике пришелся на середину 1960-х – начало 1980-х гг. [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 9. Л. 17, 18].

С середины 1970-х годов сфера функционирования русского языка, который стал языком межнационального общения, расширяется. На его изучение значительно увеличивается объем учебных часов. Данный вопрос находился на постоянном контроле руководства республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2414. Л. 6, 7].

Вместе с этим, унификация системы образования и воспитания снизили статус таких предметов, как национальные языки и литература, история и география КБАССР, преподавание которых во многих школах имело характер факультативных занятий [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2174. Л. 86, 87]. В этих условиях забили тревогу в связи с обострением проблемы функционирования национальных языков и литератур заместитель министра просвещения КБАССР А.К. Эржибов, и заведующий Кабардино-Балкарской лабораторией НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР Х.З. Гяургиева [УЦГА АС КБР. Ф. Р-16. Оп. 6. Д. 13а. Л. 120–124].

В период «перестройки» в условиях нараставшего общественного кризиса в системе общего образования страны актуализируется проблема поиска новой модели школы с учетом вызовов нового времени. В 1985–1987 гг. началось

осуществление программы компьютеризации школ, однако из-за экономических проблем ее практическое внедрение замедлилось.

В ходе модернизации средней школы в гимназии и лицеи вводились новые предметы, учащимся предоставлялась относительная свобода выбора изучаемых дисциплин. Одним из таких первенцев в республике стала школа-лицей № 2 г. Нальчика, который внедрил целый спектр профилей: экономический, медицинский, физико-математический, гуманитарно-юридический, химический, экологический с углубленным изучением соответствующих предметов. Научное руководство преподавателей КБГУ и использование новых образовательных технологий: деловых игр, лекций, семинаров, практикумов, тренингов и т.д., позволили активно вовлечь учащихся в исследовательскую работу, в республиканские и российские олимпиады и научно-практические конференции. Практически все выпускники этого лицея поступали в самые престижные вузы республики и страны.

Особенности контингента учащихся учитывали и другие инновационные школы республики, избравшие уникальные специализации: школа-гимназия № 29 г. Нальчика – искусствоведческий уклон. Школы-гимназии № 1, № 14, № 26 г. Нальчика избрали модель «Экология и диалектика». Школа-гимназия г. Майского, школа-лицей № 1 г. Тырнауза, средняя школа № 1 г. Нарткалы и средняя школа № 3 г. Нальчика достигли успехов в углубленном изучении английского языка.

Другой особенностью «перестроечной» реформы в Кабардино-Балкарии стало усиление внимания к вопросу преподавания родных языков и литератур [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 35. Л. 80–87]. Углубление кризиса партийно-советской власти во второй половине 1980-х годов и рост национального самосознания народов Кабардино-Балкарии коренным образом изменили общественно-политическую ситуацию. Национальные движения в республике стали предлагать свои подходы к возрождению национальной школы, культуры, языка, истории, литературы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-193. Оп. 5. Д. 158. Л. 196].

В конце 1980-х гг. изменения в системе образования Кабардино-Балкарии были обусловлены трансформацией государственно-политического и социально-экономического устройства страны. Для улучшения патриотического и интернационального воспитания, усиления гуманитарной подготовки студентов в КБГУ открываются кафедры истории и культуры народов КБР, специальности и факультеты кабардинской и балкарской филологии [История многовекового содружества... 2007, 448–449]. Эти новации внедряются и в школьное образование. Они учитывали рост

национального самосознания народов республики и стимулировали введение в учебный процесс дисциплин национально-регионального компонента: родные (кабардинский и балкарский) языки, история народов Кабардино-Балкарии, культура и этнология народов Кабардино-Балкарии, География Кабардино-Балкарии и др.

Список источников и литературы

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик : Эльбрус, 1974. 635 с.
2. Бакланов В.И. О «недоевропейскости» и о цивилизаторской миссии Российской империи. 19.02.2014 // «Территория историка». – URL : http://historick.ru/view_post.php?cat=1&id=50 (дата обращения: 16.02.2026).
3. Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов н/Д. : Изд-во Северо-Кавказской академии государственной службы (СКАГС), 2000. С. 60–74.
4. Документы свидетельствуют. Развитие системы образования в Кабардино-Балкарии (1941–1991). Архивная служба Кабардино-Балкарской республики. Историко-архивное издание. Нальчик : Эльбрус, 2015. 432 с.
5. Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemy-obrazovaniya-v-natsionalnyh-shkolah-rossiyskoy-imperii-musulmanskie-i-evreyskie-shkoly> (дата обращения: 16.02.2026).
6. Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. Москва : Рус. мир, 1999. 501 с.
7. Зубов А. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. 2000. № 4. С. 141–173.
8. История Дона и Северного Кавказа / под ред. А.В. Венкова. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета; Нальчик: Издательско-полиграфический центр Кабардино-Балкарского университета, 2004. 385 с.
9. История многовекового содружества : к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 719 с.
10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Москва : Наука, 1988. 659 с.
11. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицын, Б.П. Миловидов. Санкт-Петербург : Звезда, 2005. 718 с.

12. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Биографический справочник. Середина XVI – начало XX в. Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2006. 405 с.
13. Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. I. С. 19–29.
14. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский : тип. Губ. правл., 1887. 321 с.
15. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX – 20-е годы XX в.). Москва: Новый хронограф, издатель Леонид Янович, 2011. 672 с.
16. Ктиторова О.В. Зарождение российской образовательной системы на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – середина XIX вв. // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4 (59). С. 58–64.
17. Культура южной России / Отв. ред. Х.Г. Тхагапсоев. Санкт-Петербург : Петрополис., 2012. 275 с.
18. Кусова Л.Б., Бекоева Е.Д. Становление и развитие начального образования в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII – начало XX столетий // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 292–296.
19. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. Москва: Наука, 1995. 311 с.
20. Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Нальчик, 2003. Вып. 8. С. 15–21.
21. Национальная политика России: история и современность. Москва : Рус. мир, 1997. 678 с.
22. Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в. – URL : <http://www.mirmaykora.ru/gorod/religiya/o-religii-v-adyigee/434580> (дата обращения: 10.03.2026).
23. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик : Эльбрус, 2007. 461 с.
24. Очерки истории Северного Кавказа: XX век. Пятигорск-Ставрополь: ПГЛУ, 2014. 355 с.
25. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Избранные статьи // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Ростов-н/Д.-М., 2013. Вып. 75. 255 с.
26. Сабанчиев Х.М. Деятельность Кабардино-Балкарской парторганизации по осуществлению культурной революции. Нальчик : Эльбрус, 1973. 273 с.
27. Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва : Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.

28. Столыпин. Жизнь и смерть (1862–1911): сборник. Саратов : Соотечественник, 1997. 470 с.
29. Султан-Галиев М. Об учебнике для русско-татарских начальных школ. Баку, 1916. 27 октября. № 237.
30. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Москва : М. Мухтаров, 1913. 184 с.
31. Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920–1970). Нальчик : Эльбрус, 1971. 335 с.
32. Шхагапсоев С.Х., Тохова С.М. Из истории просвещения Кабардино-Балкарской Республики. 1918–2012. Нальчик : Тетраграф, 2012. 161 с.
33. Управление Центрального государственного архива Архивного управления Кабардино-Балкарской Республики.
34. Управление Центр документации новейшего времени Архивного управления Кабардино-Балкарской Республики.

References

1. Adygi, balkartsy i karaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the XIII–XIX centuries]. Comp. V.K. Gardanov. Nalchik, Elbrus Publ., 1974, 635 p., *in Russian*.
2. Baklanov V.I. О «nedoeuropejskosti» i o tsivilizatorskoj missii Rossijskoj imperii [On «non-Europeanism» and the civilizing mission of the Russian Empire]. 19.02.2014. *Territoriya istorika [Territory of the Historian]*, available at: http://historick.ru/view_post.php?cat=1&id=50 (accessed: 16 February 2026), *in Russian*.
3. Dobayev I.P. Severnyj Kavkaz i rossijskij islam: nekotorye istoriko-politologicheskie problemy izucheniya [The North Caucasus and Russian Islam: some historical and political science problems of study]. *Nauka o Kavkaze: problemy i perspektivy [Science about the Caucasus: problems and prospects]*. Materials of the I Congress of Caucasus Studies Scholars. Rostov-on-Don: Publishing House of the North Caucasian Academy of Public Administration, 2000, pp. 60–74, *in Russian*.
4. Dokumenty svidetel'stvuyut. Razvitie sistemy obrazovaniya v Kabardino-Balkarii (1941–1991) [Documents testify. Development of the education system in Kabardino-Balkaria (1941–1991)]. Nalchik, Elbrus Publ., 2015, 432 p., *in Russian*.
5. Ermolov V.A. Osobennosti sistemy obrazovaniya v natsional'nykh shkolakh Rossijskoj imperii: musul'manskije i evreyskie shkoly [Features of the education system in national schools of the Russian Empire: Muslim and Jewish schools], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemy-obrazovaniya-v-natsionalnyh-shkolah-rossijskoj-imperii-musul'manskije-i-evreyskie-shkoly> (accessed: 16 February 2026), *in Russian*.

6. Zorin V.Yu., Amandzholova D.A., Kuleshov S.V. Natsional'nyy vopros v Gosudarstvennykh dumakh Rossii: opyt zakonotvorchestva [The national question in the State Duma of Russia: experience in lawmaking], Moscow, Russkiy mir Publ., 1999, 501 p., *in Russian*.

7. Zubov A. Politicheskoe budushchee Kavkaza: opyt retrospektivno-sravnitel'nogo analiza [The political future of the Caucasus: experience of retrospective comparative analysis], *Znamya [Banner]*, 2000, no. 4, pp. 141–173, *in Russian*.

8. Istoriya Dona i Severnogo Kavkaza [History of the Don and the North Caucasus]. Ed. by A.V. Venkov, Rostov-on-Don, Rostov University Publishing House; Nalchik, Publishing and Printing Center of Kabardino-Balkarian University, 2004, 385 p., *in Russian*.

9. Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: k 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiey [History of centuries-old commonwealth: to the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia], Nalchik, Publishing House of M. and V. Kotlyarovs, 2007, 719 p., *in Russian*.

10. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late XVIII century – 1917)], Moscow, Nauka Publ., 1988, 659 p., *in Russian*.

11. Kavkaz i Rossiyskaya imperiya: proekty, idei, illuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early XIX – early XX centuries]. Comp. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Lisitsyn, B.P. Milovidov. Saint Petersburg: Zvezda, 2005, 718 p., *in Russian*.

12. Kazakov A.V. Adygi (cherkessy) na rossiyskoy voennoy sluzhbe. Voevody i ofitsery. Biograficheskiy spravochnik. Seredina XVI – nachalo XX v. [Adygs (Circassians) in Russian military service. Commanders and officers. Biographical reference book. Mid XVI – early XX century], Nalchik, Republican Polygraphic Plant named after the Revolution of 1905, 2006, 405 p., *in Russian*.

13. Kozubskiy E.I. K istorii narodnogo obrazovaniya v Dagestanskoy oblasti v pervoe pyatidesyatiletie [On the history of public education in Dagestan region in the first fifty years]. *Dagestanskiy sbornik [Dagestan Collection]*, Temir-Khan-Shura, 1902, Issue I, pp. 19–29, *in Russian*.

14. Krasnov M.V. Istoricheskaya zapiska o Stavropol'skoy gimnazii [Historical note about Stavropol gymnasium], Stavropol-Kavkazskiy, Regional Government Printing House, 1887, 321 p., *in Russian*.

15. Krasovitskaya T.Yu. Modernizatsiya rossiyskogo obrazovatel'nogo prostranstva. Ot Stolypina k Stalinu (konets XIX – 20-e gody XX v.) [Modernization of Russian educational space. From Stolypin to Stalin (late XIX – 1920s)]. Moscow: Novyy khronograf, Publisher Leonid Yanovich, 2011. 672 p., *in Russian*.

16. Ktitorova O.V. Zarozhdeniye rossiyskoy obrazovatel'noy sistemy na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XVIII – seredina XIX vv.) [The emergence of the Russian educational system in the North Caucasus (second half of XVIII – mid

XIX centuries)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii [Cultural Life of Southern Russia]*, 2015, no. 4 (59), pp. 58–64, in Russian.

17. Kultura yuzhnoy Rossii [Culture of Southern Russia]. Ed. Kh.G. Tkha-Gapsaev. Saint Petersburg: Petropolis, 2012, 275 p., in Russian.

18. Kusova L.B., Bekoeva E.D. Stanovleniye i razvitiyye nachal'nogo obrazovaniya v Severo-Kavkazskom regione (konets XVIII – nachalo XX stoletiy) [Formation and development of primary education in the North Caucasus region (late XVIII – early XX centuries)], *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova [Bulletin of Nekrasov KSU]*, 2009, no. 2, pp. 292–296, in Russian.

19. Landa R.G. Islam v istorii Rossii [Islam in Russian history], Moscow, Nauka Publ., 1995, 311 p., in Russian.

20. Mambetov G.Kh. Institut amanatstva i yego rol' v rasprostraneni i izuchenii russkogo yazyka na Severnom Kavkaze [The institution of amanatstvo and its role in spreading and studying the Russian language in the North Caucasus]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Bulletin of Kabardino-Balkarian State University. Series «Humanitarian Sciences»]*, Nalchik, 2003, Issue 8, pp. 15–21, in Russian.

21. Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Russkiy mir, 1997. 678 p., in Russian.

22. Neflyasheva N.A. Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Muslim education in the North-Western Caucasus (second half of XIX – early XX century)], available at: <http://www.mirmaykopa.ru/gorod/religiya/o-religii-v-adygee/434580> (accessed: 10 March 2026), in Russian.

23. Oprishko O.L. Kavkazskaya konnaya diviziya. 1914–1917. Vozvrashcheniye iz zabveniya [Caucasian cavalry division. 1914–1917. Returning from oblivion]. Nalchik, Elbrus Publ., 2007, 461 p., in Russian.

24. Ocherki istorii Severnogo Kavkaza: XX vek [Essays on the history of the North Caucasus: XX century], Pyatigorsk-Stavropol, Pyatigorsk State Linguistic University, 2014. 355 p., in Russian.

25. Patrakova V.F., Chernous V.V. Izbrannyye stat'i [Selected articles]. *Yuzhnorossiyskoye obozreniye Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovaniy i prognozirovaniya IPPK YuFU i ISPI RAN [South Russian Review of the Center for System Regional Research and Forecasting of the IPPK SFU and ISPI RAS]*, Rostov-na-Donu-Moscow, 2013, Issue 75. 255 p., in Russian.

26. Sabanchiyev Kh.M. Deyatel'nost' Kabardino-Balkarskoy partiorganizatsii po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii [Activities of the Kabardino-Balkarian Party Organization for the implementation of the cultural revolution]. Nalchik: Elbrus, 1973. 273 p., in Russian.

27. Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire], Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2007. 460 p., in Russian.

28. Stolypin. Zhizn' i smert' (1862–1911): sbornik [Stolypin. Life and death (1862–1911): collection], Saratov, Sotsyet Publ., 1997. 470 p., in Russian.

29. Sultan-Galiyev M. Ob uchebnike dlya russko-tatarskikh nachal'nykh shkol [About the textbook for Russian-Tatar primary schools], Baku, 1916, 27th of October, no. 237, *in Russian*.

30. Tsalikov A. Kavkaz i Povolzh'ye. Ocherki inorodcheskoy politiki i kul'turno-khozyaystvennogo byta [Caucasus and Volga region. Essays on foreign policy and cultural-economic life], Moscow, M. Mukhtarov, 1913, 184 p., *in Russian*.

31. Chechenov Sh.Sh. Osushchestvleniye leninskoy programmy narodnogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoy ASSR (1920–1970) [Implementation of the Leninist program of public education in the Kabardino-Balkarian ASSR (1920–1970)], Nalchik, Elbrus Publ., 1971, 335 p., *in Russian*.

32. Shkhagapsoev S.Kh., Tokhova S.M. Iz istorii prosveshcheniya Kabardino-Balkarskoy Respubliki. 1918–2012 [From the history of education in the Kabardino-Balkarian Republic. 1918–2012], Nalchik, Tetragraf Publ., 2012, 161 p., *in Russian*.

33. Upravleniye Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnogo upravleniya Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Management of the Central State Archive of the Archive Administration of the Kabardino-Balkarian Republic], *in Russian*.

34. Upravleniye Tsentr dokumentatsii noveyshego vremeni Arkhivnogo upravleniya Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Management of the Center for Documentation of Recent Times of the Archive Administration of the Kabardino-Balkarian Republic], *in Russian*.